

Пушкарёв Василий
Алексеевич
(директор Русского музея, намять)

06.02

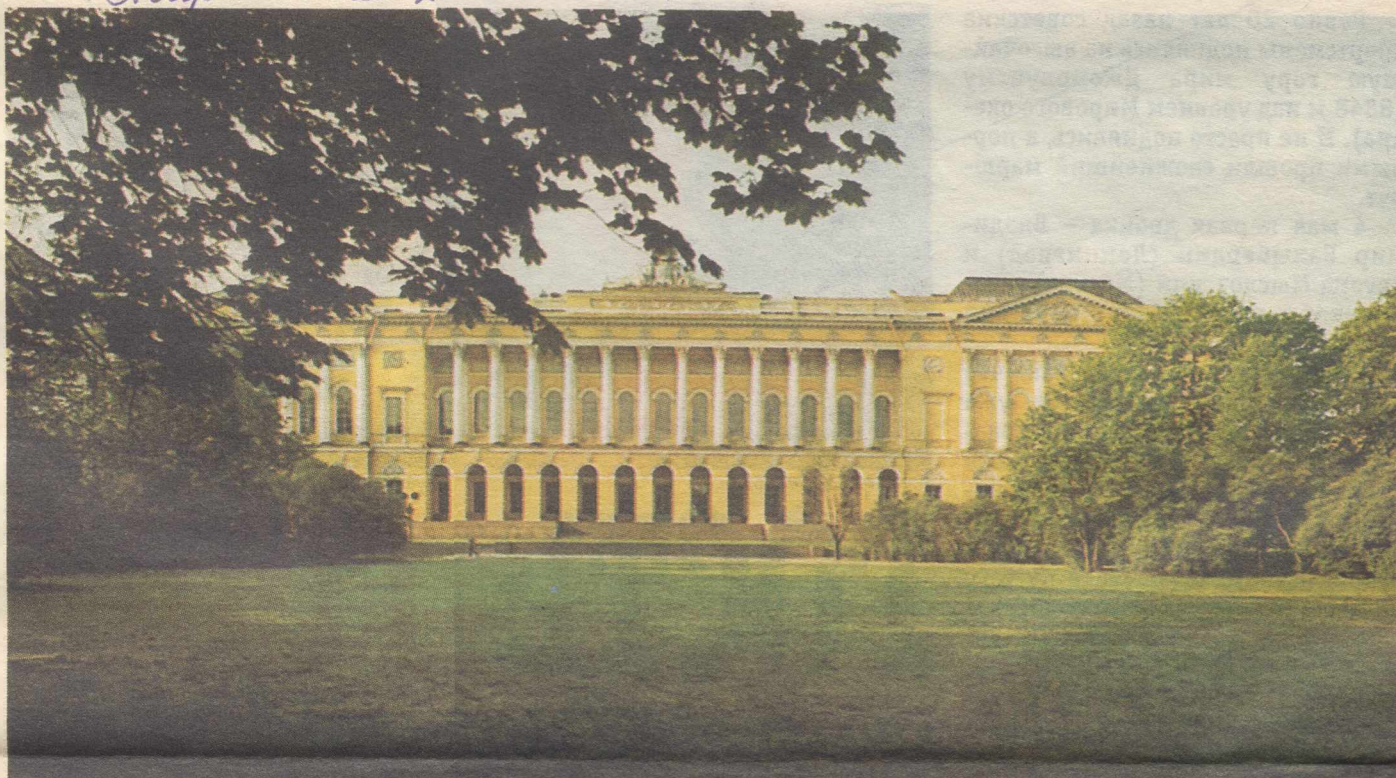
Алфавит - 2002 - июнь - с. 4.

Виктор Лысаков

На восемьдесят восьмом году умер легендарный директор Русского музея, возглавлявший его в течение 27 лет и практически создавший тот музей, который мы сегодня знаем.

ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ПУШКАРЁВА отпевали в храме Николы в Толмачах. Там же сто четыре года назад отпевали Павла Михайловича Третьякова. Об этом напомнил в прощальном слове нынешний директор Государственной Третьяковской галереи В. Родионов. А художник Савелий Ямщиков предложил присвоить Русскому музею имя Пушкарёва.

Совсем ещё недавно, минувшей весной, Василий Алексеевич позвал меня на антикварный салон в Центральном доме художника. Пока ждали приглашённых, я рассказывал о том, как провалился наш перехваленный авангард на лондонском аукционе "Сотбис" в октябре прошлого года и как стыдливо промолчала об этом пресса. И при этом работы Зинаиды

Архив

Памяти Директора биография русского интеллигента

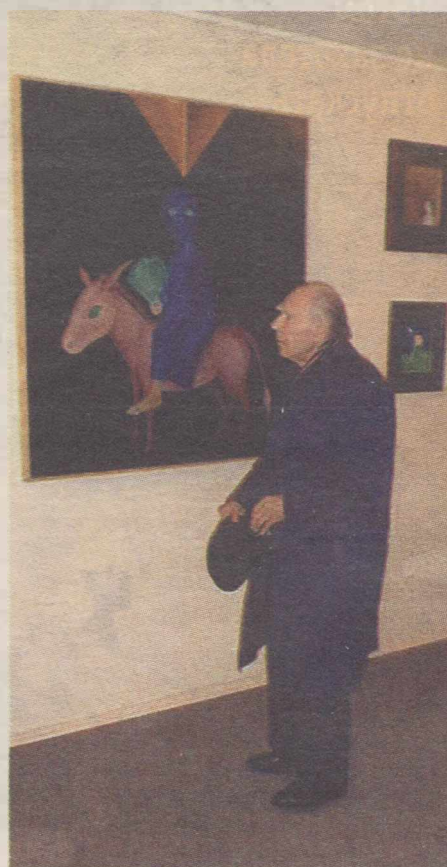
Серебряковой были проданы по ценам, сравнимым со стоимостью полотен французских импрессионистов.

"Зинаида Евгеньевна? – Василий Алексеевич оживился. – А я в Париже, когда с ней встречался, сказки ей, семидесятидвухлетней, рассказывал. Она засыпала, а я ей Пушкина читал. И "Конька-Горбунка"...". В то время Зинаида Евгеньевна жила в эмиграции, объявлена была врагом народа и, казалось, навсегда изгнана из музея. Сама встреча с ней могла грозить неприятностями, но Пушкарёв тогда уже понимал значение Серебряковой для русской культуры.

МНОГИЕ ПОМНЯТ И ТО, КАК ВАСИЛИЙ Алексеевич прятал картины Казимира Малевича. Советское правительство вздумало подарить "большому другу советского народа" Арманду Хаммеру картину Малевича из собрания Русского музея. Пушкарёв отказал. Тогда прислали доблестных ищеек-искусствоведов в штатском. Те перерыли весь музей, но не догадались заглянуть в трансформаторную будку под крышей. Видимо, восприняли всерьёз надпись "Не влезай – убьёт!". За всё время правления Василия Алексеевича в Рус-

ском ни одна картина или рисунок, ни один экспонат не покинули музей. Всё грустное и детективное началось потом – когда Василия Алексеевича вытеснили, вынудили уйти. Впрочем, ни эпизод с картиной Малевича, ни другие подобные случаи Пушкарёв вспоминать не любил. Василий Алексеевич больше гордился тем, что вернул России Кузьму Сергеевича Петрова-Водкина. Сегодня, когда Петров-Водкин – классик русской культуры, трудно поверить, что он тоже был когда-то изгнан из музеев и запрещён к показу. В 1966 году Пушкарёв устроил персональную выставку Петрова-Водкина в Русском музее, за что получил выговор от Политбюро ЦК КПСС. Старшее поколение меня поймёт, а молодым объясню: это посерьёзнее, чем звезда Героя Труда. А у него таких выговоров было несколько.

"Когда на меня орали в большом кабинете с коврами, я уже считал себя уволенным, мысленно готовился идти в грузчики. В общем, терять нечего, и я говорю этому начальнику: "Что ты, говорю, орёшь? Думаешь, я тебя испугался? Я в окопах под пулями сидел – не боялся и тебя, дурака, не боюсь". Повернулся и хлопнул дверью."

Архив

В СВОЕЙ КНИГЕ ИЗВЕСТНЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР Георгий Костаки описывает эпизод, когда его выкидывали из страны. Договорились, что он даст отступного. То есть "подарит" музеям страны большую часть своей коллекции. Делёж добровольно экспропрированного был назначен в Министерстве культуры. Все присутствующие переругались по нескольку раз, а в углу сидел человек, который не участвовал в спорах. В конце он поднялся, объяснил Костаки, что он приехал из Ленинграда, в гостинице мест нет, попросился переноче-

вать. Так Георгий Костаки познакомился с Василием Алексеевичем Пушкарёвым. Утром лучшие картины из коллекции были отписаны Русскому музею.

После ухода из музея Василий Алексеевич вынужден был переехать в Москву. Некоторое время работал директором Центрального дома художника на Крымском Валу. В наше последнее с ним посещение ЦДХ на антикварной ярмарке я был свидетелем, как люди выстраивались в очередь, чтобы засвидетельствовать своё почтение Пушкарёву.

Человек он был патологической, болезненной скромности. Жил по нынешним временам бедно, как и многие порядочные люди. В потёртом плащике, в тщательно отутюженном любящей женой стареньком сером костюме. В протёртых на манжетах и воротничках рубашках. Жил на свою пенсию персонального пенсионера и ветерана войны. Ни честь, ни совесть по какой-то странной традиции в России не оплачиваются. Но остаются в памяти поколений.

К 75-летию Пушкарёва Савелий Ямщиков проявил незаурядный организаторский талант и подготовил чествование юбиляра. Была отпечатана биография Василия Алексеевича (которую он позже тайком, но с гордостью мне показывал), назначено торжественное собрание в ЦДРИ, а Василий Алексеевич... на него не явился.

"Я же не статуя какая-нибудь, чтоб на меня в президиуме смотреть, – говорил он позже. – Зачем это?"

Мне кажется, что власть сделала Василию Алексеевичу на похоронах и прощании последний и заслуженный комплимент. Не было ни одной телекамеры, ни одного сообщения по телевидению или по радио. Зато вечером нам показали министра культуры на открытии очередного мюзикла. Я подумал, что это нормально. ■